

ИЦЗИНИСТИКА

А.И. Кобзев

ИБ РАН

Нумерология и каббалистика: Пекин и Иерусалим

Знаменитую антитезу древнего мира Афины – Иерусалим ныне можно было бы трансформировать в противопоставление Иерусалиму Пекина, настолько далёкими и различными кажутся символизируемые этими городами культуры. Однако Пекин в не меньшей степени противоположен и Афинам, а точнее всей возникшей благодаря этому полису цивилизации, символами которой становились Рим, Константинополь, Париж, Лондон, Нью-Йорк. Отсюда вытекает, по крайней мере, общая противоположность Иерусалима и Пекина классическому Западу и в античной, и в византийской, и в фаустовской (по О. Шпенглеру) его ипостасях. При более внимательном рассмотрении обнаруживается, что эти две альтернативы западному пути схожи друг с другом отнюдь не только в такой альтернативности, но и в самом существе.

Прежде всего китайская и еврейская культуры сопоставимы по древности и непрерывности своего исторического существования. Данная характеристика не столько количественная, сколько качественная. Дело не только в том, что обе культурные традиции принадлежат к числу древнейших в мире, но и в том, что они всегда осознавали и формировали себя как продолжение и развитие идеализированного прошлого – «золотого века». Вся история традиционного Китая, как минимум, на протяжении двух с половиной тысячелетий, от Конфуция до Кан Ювэя прошла под лозунгом реставрации образцовой древности (*фу зү*). В отличие от китайцев, никогда не перестававших жить на собственной территории, евреи большую часть своей истории провели в рассеянии, на чужой земле, что лишь усиливало стремление возвратиться к своим корням. Китай – единственная страна, официально называемая центром мира – Средним государством (*Чжунго*), и схожим статусом религиозного центра всего западного человечества обладает Иерусалим. Основная задача китайской цивилизации, всегда стоявшая перед ней и особенно актуализировавшаяся

© Кобзев А.И., 2010

в XXI в., – сохранение самоидентичности в условиях радикальных перемен, будь то нашествие иноземцев, смена социального строя, распространение новой веры или глобальная технологическая революция. Именно эту задачу от египетского пленения до наших дней решали еврейские общины в инородном окружении. Оба народа продемонстрировали самые эффективные в истории человечества способы её решения: китайцы – ассимилируя всё чужое, евреи – не ассимилируясь ни в чём чужом. Поразительно совпадение в XX в.: в Китае были открыты и прочтены древнейшие тексты на китайском языке – надписи на гадательных костях (*цзягувэнь*), а в Израиле ожил считавшийся уже мёртвым языком иврит. Последний подобен китайскому письменно-литературному *вэньяню*, и оба они как священные языки канонизированных письменных памятников кардинально отличаются от всех новых языков, ориентированных на устную речь, и знаменуют собой культуры Книги.

А самая главная проблема культуры Книги, т.е. священного писания, – взаимосвязь буквы и духа, писания и предания. На Западе со времён Римской империи она была автоматически решена в пользу духа или идеи в силу самого факта передачи традиции разноязычными народами, пользовавшимися разными последовательностями букв и даже разными алфавитами. Народы же развивающие свою автохтонную культуру на родном языке обязательно создают специальные механизмы сохранения исходного текстового генотипа, реализованного в их священном писании. У китайцев таким механизмом стала нумерология, или «учение о символах и числах» (*сян-шу-чжи-сюэ*), основанное на главном каноне «Тринадцатиканония» («Ши сань цзин») «Чжоу и» / «И цзине», а у евреев – каббала, основанная на иудейском каноне Библии. Хотя эти каноны написаны принципиально по-разному: в одном случае – иероглификой, в другом – алфавитным письмом, даже тут есть глубинное сходство – исходное написание письменных знаков справа налево, в иврите, очевидно, обусловленное генетической связью с традицией иероглифической письменности древнего Египта и Междуречья.

Даже составляющий саму специфику еврейского письма – алфавит из 22 букв, трактуемых в каббале в качестве элементов мироздания, аналогичен почти синхронно сложившейся китайской системе 22 универсальных циклических знаков (*ганьчжи*), состоящей из 10 «небесных ствол» (*тяньгань*) и 12 «земных ветвей» (*дичжи*). Другая каббалистическая основа мироздания – 10 первочисел соответствует искони принятой в Китае десятичной системе счисления, вовсе не тривиальной для древних культур, использовавших и другие основания счисления (5, 20, 60). Числа в «Чжоу и» сходным образом представлены как мироустроительные принципы. В первом каноне каббалы, «Книге творения» 10 первочисел и 22 буквы составляют фундаментальную онтологическую структуру из 32 элементов, которая эквивалентна 32-членному шестому уровню (кольцу – в круговом расположении) развёртывания Великого предела (*тайцзи*) в 64 гексаграммы-*гуа* (седьмой уровень / седьмое кольцо; рис. 1, 2).

Рис. 1. Семиступенное развёртывание Великого предела в линейное расположение 64 гексаграмм в порядке Фу-си (согласно Чжу Си, 1130–1200).

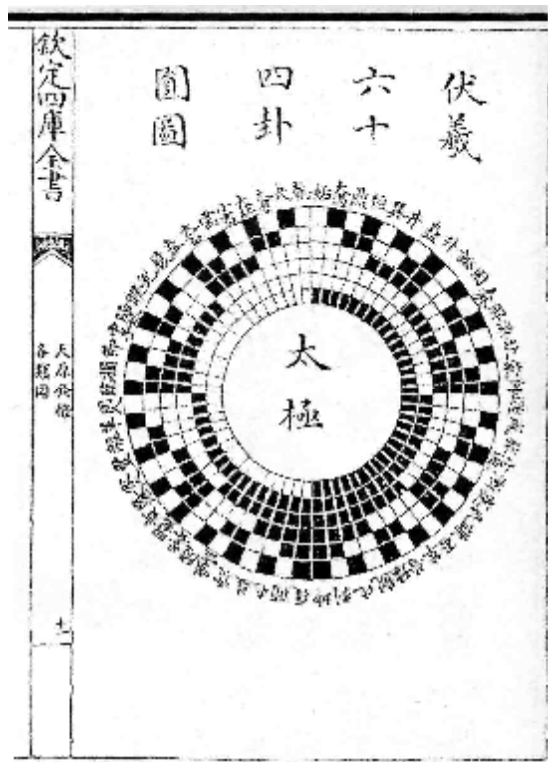

Рис. 2. Шесть концентрических колец развёртывания в 64 гексаграмм в порядок Фу-си из центрального круга Великого предела.

Семеричность данной вселенской конструкции легко ассоциируется с семью днями творения из первой книги Библии «Берешит» («Бытие»), что отметил один из первых христианских миссионеров в Китае Ж. Буве (J. Bouvet, 1656–1730), состоявший при дворе имп. Кан-си (правление 1662–1722) в качестве «королевского математика» Людовика XIV и сообщивший о своём открытии одному из творцов современной науки Г. Лейбницу, который признал его соавтором в расшифровке устройства триграмм и гексаграмм (*gua*) как двоичного кода, родственного им самим изобретённой двоичной арифметике. В этой цепи типологических, а возможно и генетически обусловленных, подобий важное место принадлежит знакомому с каббалой испанскому богослову и логичу Р. Луллию (1235–1315), трансформировавшему семь дней творения в «логическую (точнее – логико-каббалистическую или логико-нумерологическую) машину» из семи концентрических кругов, на которых комбинаторно сочетаемые категории обозначались буквами (ср. с семеричным кругом на рис. 2). Базовая десятично-девятеричная схема Р. Луллия представляет Бога (центральный круг) и девять его атрибутов, маркированных начальными буквами латинского алфавита (рис. 3), что коррелирует не только с упомянутыми 10 первочислами каббалы, 10 «небесными стволами» и десятичным счислением, но и с традиционным китайским представлением о девяти основных числах (первых в натуральном ряду), обуславливающих определение таблицы умножения как «девятью девять / девять девяток» (*цзю цзю*). Другая схема элементов «логико-каббалистической/нумерологической машины» Р. Луллия (рис. 4), помимо очевидной троичности, семеричности и девятеричности (7 секторов с тремя буквами алфавита и 9 без таковых), демонстрирует четверичность (центральный квадрат), воплощённую в 16 секторах итогового (внешнего) кольца, соотносимого с 16-членным пятым уровнем развёртывания Великого предела и также расположенного на пятом уровне от центрального круга. При явном типологическом сходстве не исключено и знакомство Р. Луллия с подобными концентрическими фигурами китайской нумерологии через арабских учёных, с которыми он находился в тесном контакте.

Рис. 3. Атрибуты Бога в концентрической схеме Р. Луллия.

Рис. 4. Схема элементов «логико-каббалистической/ нумерологической машины» Р. Луллия.

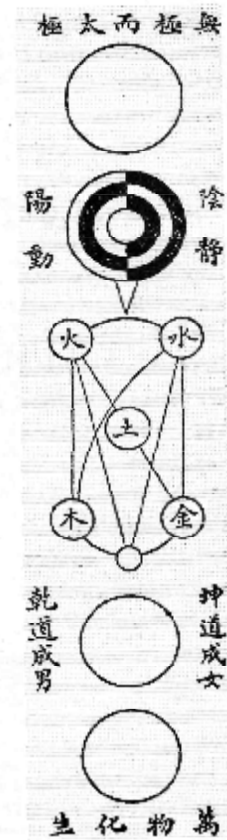

Рис. 5. Изображение Великого предела Чжоу Дунь-и.

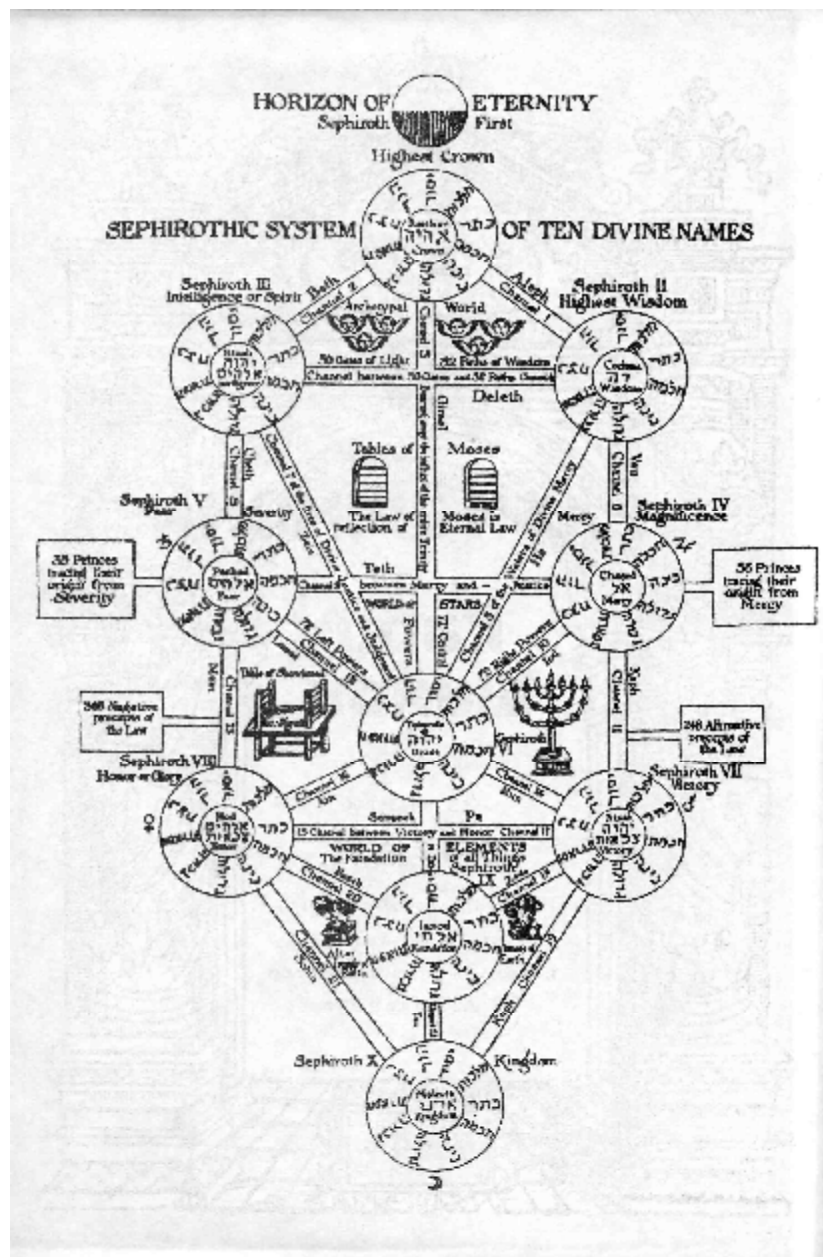

Рис. 6. Древо Сефирот.

В XI в. Чжоу Дуньи (1017–1073) опубликовал Изображение Великого предела (*Тай-цзи ту*) в знаменитом трактате «Изъяснение Изображения Великого предела» («Тай-цзи ту шо»; рис. 5), легшем в основу неоконфуцианства и всей традиционной китайской философии за последнюю тысячу лет. Эта схема состоит из 10 кругов (6 на центральной оси и 4 попарно по бокам в середине), символизирующих основы мироздания, и структурно (общей формой, количеством элементов и отчасти их конфигурацией) напоминает описанное в ещё одном каббалистическом каноне «Зогар» («Книга сияния», XIII в.) «древо Сефирот», в котором 10 кругов с божественными атрибутами («венец», «мудрость», «разумение», «милость», «сила», «сострадание», «вечность», «величие», «основа», «царство») расположены сходным образом, но в обратной пропорции: 4 на центральной оси и 6 попарно по бокам в середине (рис. 6).

Дальнейшее развитие на Западе этих идей, объединяющих пифагорейство и каббалу с китайской нумерологией, или ицзинистикой (*исюэ*, от «И цзин»), математикой и символической логикой привело к созданию логических машин и компьютерной технологии XXI в.

Литература

1. Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 томах. Т. 1: Философия. М., 2006; Т. 2: Мифология. Религия; Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, образование и здравоохранение. М., 2009.
2. *Еремеев В.Е.* Символы и числа «Книги перемен». М., 2005.
3. *Кобзев А.И.* Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1994.
4. *Кобзев А.И.* Китайская логика и русская кабалистика // Восток. 2000, № 5. С. 189–195.
5. *Кобзев А.И.* Число и человек: древнекитайская концепция «семи утрат и восьми обретений» // Математика и практика. Математика и культура. № 2. М., 2001. С. 107–113.
6. *Крушинский А.А.* О кабалистичности «Ицзина» // II Всероссийская конференция «Китайская философия и современная цивилизация». М., 1996. С. 66–71.
7. *Крушинский А.А.* О кабалистичности «И цзина»: историографические заметки // XVIII НК ОГК. М., 1998. Ч. 2. С. 271–284.
8. *Крушинский А.А.* Логика «И цзина». М., 1999.
9. *Лейбниц Г.В.* Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления / Пер., сост. *В.М. Яковлев*. М., 2005.
10. *Торчинов Е.А.* Каббала и Восток // Вестник Еврейского университета в Москве. М., Иерусалим, 1997. № 3 (16). С. 96–128.
11. *Торчинов Е.А.* Доктрина происхождения зла в лурианской и саббатрианской каббале и в буддийском «Трактате о пробуждении веры в Махаяну» // Религиоведение. 2001, № 1. С. 48–60.
12. *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен» / Сост. *А.И. Кобзев*. М., 2003.